

Надежда Максимова

**Тайна
потерянной
рукописи**

**Основано
на реальных
событиях**

Надежда Максимова

Тайна потерянной рукописи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11960847

ISBN 9785447425326

Аннотация

Хотите узнать за что погиб Пушкин? Чем был знаменит красавец Дантес?Что за таинственную рукопись изъяли по приказу царя?Тогда раскрывайте книгу и вперед. Приключения начинаются!

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	17
Глава 3.	28
Глава 4.	33
Глава 5.	40
Глава 6.	50
Глава 7.	61
Глава 8.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Тайна потерянной рукописи

Надежда Максимова

Да в силах ли вы понять, каково это: вернуться туда, где тебя помнят, чтут и восхваляют, и выяснить вдруг, что при всем том тебя не узнают! Никто. Никаким образом. Никогда. Не узнают до такой степени, что даже принимают за кого-то совсем и чрезвычайно другого. За того, кто презираем тобою и вовсе недостойн узнавания!.. Проклятые годы. Что делают они с нами!..

А. Н. Стругацкий,

Б. Н. Стругацкий. Отягощенные злом

Если тебе не за что умирать, нет смысла жить.

© Надежда Максимова, 2019

ISBN 978-5-4474-2532-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1.

Мы знакомимся с энтузиастом

– Итак, задание вы провалили, – устало произнес генерал и пристально посмотрел на меня поверх очков.

Мои подчиненные, старший прапорщик Михаил Мигуля и эксперт-компьютерщик Ваня Зайкин, сидевшие смирным рядом за столом вышестоящего начальника, скромно опускали глазки и корпоративно страдали. Хотя в их сторону не прозвучало ни единого упрека. И это правильно. Раз я числился командиром, то в этом качестве отвечал за все.

– Причем произошло это перед выборами, – продолжал разнос генерал, – когда наша страна особенно нуждается в укреплении международного авторитета...

«Вот, блин, – думал я, сосредоточенно рисуя в блокноте закорючки, внешне похожие на стенографию. – И почему наша страна все время „нуждается“? Как нищие, право. Авторитет – не та штука, которую подают особо нуждающимся»...

– А средства, которые могли быть выручены после реализации предметов старинного клада, который вы не сумели найти, предполагалось направить на социальные пособия. На помощь старикам и малоимущим.

«Можно подумать, что старикам и малоимущим планирую-

ется выделять только средства, извлеченные из старинных кладов. И мы, негодяи, лишили бедняг последнего».

– И это важное правительственное задание вы сорвали, – подвел итог наш высокий начальник.

– Но товарищ генерал, – осмелился подать голос Зайкин. – Ведь самое главное, что и американцы, явившиеся за этим кладом, тоже ничего не нашли. Так что статус кво, в принципе, сохраняется. И в дальнейшем, если удастся добыть какие-нибудь дополнительные сведения...

– «В дальнейшем», «если удастся» – сардонически воздел руки начальник. – Уж не думаете ли вы, что до той поры вам будет позволено слоняться без дела?

Мы разом дружно замотали головами и горячо заверили руководство, что подобная безответственная мысль ни к кому из нас даже близко никогда не подходила!

– Ладно-ладно, – произнес генерал, на которого верноподданническая демонстрация не произвела особого впечатления. – Даю вам новое задание.

– Вот это правильно! – не удержался от восклицания старший прапорщик. Я испепелил его взглядом.

– Появился тут у нас один полоум... э-э, нетривиально мыслящий ученый, – продолжил высокий руководитель, не отреагировав на одобрение подчиненного. – Энтузиаст своего дела. И так всех достал, что для проверки его идей решено выделить группу сотрудников. Как вы понимаете, после вашего грандиозного провала вопрос о том, кому именно

это дело поручить, даже не обсуждался.

– Кхм, – сказал я. – И что же за идеи у э-э... у энтузиаста?

– Ну-у, – генерал почесал висок кончиком пальца. – Он, видите ли, убежден, что у Александра Сергеевича Пушкина существовала некая тайная рукопись. Она никогда не была опубликована и в настоящее время является потерянной настолько, что даже крупные специалисты просто-таки не подозревают о ее существовании. Но Пушкин, якобы, придавал именно этой своей работе особое значение и перед последней дуэлью поместил ее в тайник, о существовании которого в последние минуты жизни поведал жене.

Наталья Николаевна свято хранила тайну, но частые переезды, второе замужество... В общем, след затерялся.

– Но у энтузиаста-то есть какие-то предположения о том, где искать? – поинтересовался старший прапорщик.

– В том-то и дело, что есть. Так что отправляйтесь к себе, к 10.00 должен прибыть ученый, и я распорядился, чтобы его без промедления направили к вам.

* * *

В нашу каморку, рассчитанную, вообще говоря, на одного человека, было втиснуто три стола, большой шкаф и корявый, советского производства железный ящик, исполняющий роль сейфа. Поэтому в ней трудно было разместиться так, чтобы не задеть соседа плечом или локтем. Так что сего-

дня, при дурном настроении, мне пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы ни с кем из подчиненных не столкнуться и не встретиться взглядом. Не хотелось объясняться.

Поскольку ожидалось, что придет посторонний человек, да еще и охарактеризованный как энтузиаст с нетривиальным мышлением, мы все постарались разложить всюду бумаги и придать обстановке максимально рабочий вид. Чтобы сразу, с порога стало понятно, что люди тут не просто отсиживают положенное время, а глубоко и сосредоточенно трудятся, забывая о личном и постороннем. Чтобы посетитель сразу мог понять, что отвлекать нас пустяками – дело не только неблагодарное, но, по большому счету, даже преступное и наносящее урон безопасности страны.

Пока мы все заняты хозяйственными делами, есть немного времени, чтобы ввести читателя в курс дела и рассказать немного о нашем подразделении.

Итак, мы существуем в рамках Федеральной службы безопасности и числимся в этом солидном ведомстве под номером 22—03/46. Никто не знает, откуда взялся этот ни с чем несообразный цифровой код, но я подозреваю, что это просто дата рождения нашего генерала. По инициативе которого подразделение и было создано.

Полное наименование засекречено, а к документам, в которых оно упоминается, имеет доступ исключительно узкий круг лиц из числа высшего руководства. Но поскольку слухи все равно просачиваются, я приоткрою завесу тайны – мы

занимаемся расследованиями сверхъестественных явлений.

Что относится к данной сфере – никто точно определить не способен, так что нас могут бросить на любое задание. Первое дело, в котором мне довелось участвовать, привело к обнаружению средневекового оружия страшной поражающей силы (см. повесть «Тайна разрушенного храма»). Затем мы, наперегонки с американцами искали сокровища короны русских императоров (см. повесть «Тайна имперской короны»). И вот теперь начальство решило отдать нам очередное безнадежное дело – общение с пушкиноведом. Ладно, мы не в обиде. Кто-то же должен делать и такую работу...

Старшим в нашей команде (по возрасту и опыту) является товарищ Мигуля (в обиходном обращении – дядя Миша). Родом он из далекого сибирского села и относится к той категории людей, про которых говорят: «Чем дальше за Урал, тем ближе к моральному кодексу».

В столичном регионе подобная приверженность нравственным нормам считается чем-то кондовым, совковым и вообще чуточку нелепо-смешным. Так что хотя в Москве дядя Миша давно, карьеры не сделать не сумел. Должность старшего прапорщика стала для него потолком.

К компьютерам, айфонам и прочим техническим новинкам, включая сотовый телефон, дядя Миша относится недоверчиво и с опаской. Он убежден, что старые вещи, если их вовремя ремонтировать, служат вернее и никогда не подводят. Мнение спорное, но, так или иначе, под рабочим сто-

лом нашего ветерана всегда громоздятся какие-то коробки с запчастями, разобранными карбюраторами, подержанными слесарными инструментами и прочим хламом, которые я неоднократно порывался выкинуть.

Второй персоной в нашем подразделении является Ваня Зайкин. В противоположность товарищу Мигуле, он – компьютерный гений, не представляющий жизни без разного рода технических наворотов.

В наше подразделение Ваня угодил за неоднократные и громкие скандалы с выпивкой и женским полом. Потому что несмотря на субтильную внешность пользуется у дам оглушительным успехом. (По крайней мере, если верить его рассказам).

Зайкин невысок, узкоплеч и стрижется наголо. Утверждает, что такая прическа позволяет окружающим разглядеть совершенство формы его головы. Но я лично думаю, что таким образом он просто прячет пробивающуюся лысину.

За успехи в профессиональной деятельности Зайкин получил прозвище «Киборг», которым чрезвычайно гордится. Он вообще считает себя человеком будущего, о чем непременно сообщает всем новым знакомым. Особенно дамам.

И третьим персонажем в нашем необычном подразделении являюсь я, Дмитрий Соболев. Рост 191, вес – 105, срочная служба – в спецназе ГРУ. Не удивительно, что окружающие при знакомстве всегда воспринимают меня, как тупого громилу. Другой бы обижался, а я не спешу опровергать.

Подобно Сальвадору Дали, укрывавшемуся за усами, от которых собеседники не могли отвести взгляд, я прячусь за гориллообразной внешностью. А интеллектуальные способности использую, как Засадный полк в Куликовской битве. То есть до поры их не видно, но будучи введенными в дело в решающий момент, они могут стать для неприятеля фатальным сюрпризом.

Подозреваю, что именно brutальная внешность стала причиной моего попадания в нашу секретную команду. А высшее образование способствовало назначению на должность командира.

Последнее, о чем стоит сообщить – результаты. Каждое наше дело по завершению одаряет нас некими новыми знаниями и способностями. В частности, после нахождения одного сакрального клада было обещано, что у меня со временем проявятся некие особые умения, которыми прочие люди не обладают.

Что это за умения и как они будут проявляться не разъяснялось, так что пока хожу в ожидании и старательно прислушиваюсь к себе. Ничего нового пока не заметил.

* * *

К 10.00 мы как раз управились. И тут, практически без опоздания, в дверь постучали.

Полностью войдя в образ (Станиславский кричит «Бра-

во!» и аплодирует стоя), я поднял затуманенный государственным заботами взор и обнаружил, что на пороге стоит крепкий круглоголовый мужчина в джинсовом костюме. Судя по общему контуру фигуры и манере держаться, – явный боец спецназа.

– Могу я поговорить с Дмитрием Соболевым? – спросил вошедший.

– Извини, брат, – откликнулся я. – Сейчас никак. Вот-вот должен подойти один чудик, помешанный на Пушкине. Нам велели его принять. Так что давай попозже.

– Позже не получится, – вздохнул спецназовец. – Потому что чудик, помешанный на Пушкине, это я.

После короткой суматохи, в течение которой мы усадили новоприбывшего на стул, расчистили перед ним место на столе и угостили чаем с конфетками (запасливый дядя Миша поделился), выяснилось следующее.

Наш гость, как мы правильно определили, действительно до недавнего времени служил в милицейском спецназе. Во время командировок в Чечню неоднократно принимал участие в боевых действиях, что было отмечено несколькими правительственными наградами, включая медаль «За отвагу».

Но в последнем бою он получил серьезную контузию и осколочное ранение в позвоночник.

– На ноги врачи меня поставили, – поделился гость, задумчиво дожевывая очередную конфетку, – но осколок уда-

лять не стали – опасно. Списали на гражданку и посоветовали побыстрее получить какую-нибудь сидячую специальность.

– В смысле?

– В смысле, что если осколок сдвинется, и меня парализует, то я к тому времени должен приспособиться зарабатывать, сидя за столом.

– Угу. А на Пушкине можно что-то заработать?

– Не знаю. Дело не в этом. Просто, когда встал вопрос о гражданской профессии, я сильно задумался. Потому как военная квалификация у меня – гранатометчик.

– Да, – проникся Зайкин. – С такой специальностью в Москве сложно трудоустроиться.

– К счастью, – продолжил рассказ гость (его, как выяснилось, звали Игорь Сикорин), – отцы-командиры не бросили в трудный час и пробили мне по линии МВД возможность бесплатно учиться в вузе. Правда, поскольку учебный год был уже в разгаре, вакансия нашлась только одна – на филологическом факультете.

– Вот так люди приходят в литературу, – глубокомысленно заметил дядя Миша.

– Ну да. А дальше все просто. Узнав о моих обстоятельствах, декан посоветовал написать кандидатскую диссертацию. И тему подсказал, на которой проще всего защититься.

– О Пушкине.

– Да.

– Но как же ты, едва поступив, уже о кандидатской задумался? Торопишься что-то.

– Тороплюсь, – серьезно подтвердил гость. – Осколок мой – штука непредсказуемая, так что курс я окончил за три года, и теперь собираю материалы для диссертации.

– Все ясно, – подвел я итог рассказу. – Но от нас-то ты чего хочешь? Мы, конечно, люди широкого образования, но как раз в литературоведении – ни бель мес. Ну так получилось!

– Да мне, собственно, не в литературоведении помощь нужна, – смутился гость.

– Тогда в чем?

– Видите ли, рукопись Пушкина, которую я пытаюсь найти, не была чисто литературным произведением. Ей придавали настолько огромное значение, что все (ВСЕ!) послы европейских государств, аккредитованные в то время в Петербурге, регулярно сообщали о ходе работы своим правительствам. В частности, сохранились доклады...

Тут он сделал паузу, выложил на стол кожаную офицерскую папку, извлек лист бумаги и громко зачитал:

– Доклады австрийского посла графа Фикельмона, неаполитанского посланника князя ди Бутера, шведко-норвежского поверенного в делах в Петербурге Густава Нордина, баварского посланника графа Лерхенфельда и прусского посланника Либермана.

– Ё-мое, – проникся Зайкин. – И чего же такого важного Пушкин мог в своем труде написать? Это ж прям междуна-

родный заговор какой-то!

– Но это еще не все, – скромно продолжил литературовед-спецназовец. – Дело в том, что в Петербурге присутствовал еще и голландский дипломат, которого тоже исключительно интересовала рукопись Александра Сергеевича. Звали этого посла Луи-Якоб-Теодор барон ван Геккерн де Беве-рваард.

Мы зависли, переваривая информацию.

– Э-э, – прорезался наконец Ваня Зайкин, первым сумевший мысленно распутать этот клубок имен. – Вы хотите сказать, что это был тот самый барон Геккерн, приемный отец Жоржа Дантеса?

– Именно. И, похоже, его интерес к рукописи зашел так далеко, что дело закончилось дуэлью со смертельным исходом.

– То есть вы хотите сказать...

– Да, я хочу сказать, что Пушкина убили не из-за каких-то там сцен ревности, а исключительно...

– Ну, это спорно, – отмахнулся Зайкин. – Не может быть! Ученый спецназовец пожал плечами.

– Ничего не буду утверждать. Дело требует расследования.

– Поэтому вы и обратились к нам за помощью? – спросил я.

– Не только, – ответил литературовед и поднял на меня ясный взор. – Просто с тех пор, как я начал заниматься по-

исками рукописи, меня уже дважды попытались убить.

Луи-Якоб-Теодор Барон ван Геккерн де Беверваард

Глава 2.

Загадка цветных стропил

Предусмотрительный пушкиновец заранее распечатал для нас три комплекта документов, распределив их в прозрачные канцелярские файлы.

Огорошив нас новостью об опасности литературоведческих занятий, он сообщил, что, прежде всего, нам необходимо войти в курс дела и поинтересовался, сколько времени требуется, чтобы мы смогли прочесть подготовленные им материалы.

Оценив на взгляд тощеватость прозрачных папок, я предложил встретиться после обеда.

Предложение было принято, после чего спецназовец удался, а мы принялись работать с бумагами.

Первый лист в файликах был вполовину меньше стандартного (А4) размера и содержал хронологию.

Предпослано все было кратким эпиграфом: «Все висит на датах» А. Т. Фоменко.

Кто такой А. Т. Фоменко и какое отношение он имеет к исследованию жизни Пушкина, – не объяснялось.

Ниже, в левой колонке выстраивались даты, в правой – соответствующие им события из жизни Пушкина и названия произведений, написанных в указанный год.

Выглядело это так:

1799 год, 25 мая (6 июня) – рождение.

1811—1817 гг. – Царскосельский лицей. Кружок «Арзамас».

1814 год – первое опубликованное стихотворение.

8 января 1815 г. – «старик Державин нас заметил».

1817—1820 гг. – работа над поэмой «Руслан и Людмила».

1820 год – ссылка на юг России.

1824 год – ссылка в Михайловское.

1825 год – «Борис Годунов», «Граф Нулин»

8 сентября 1826 года аудиенция у Николая I.

1828 год – «Полтава».

1829 год – сватовство к Н. Н. Гончаровой.

1 мая 1829 года – отъезд в действующую армию на Кавказ.

1830 год – **Болдинская осень №1**.

18 февраля 1831 года – венчание в Москве.

1831 год, октябрь – «Дубровский», «Капитанская дочка», «Пиковая дама», работа над историческим трудом «История Пугачева».

20 августа 1833 года – поездка в Казань и Оренбург для изучения материалов по истории Пугачева.

1833 год – **Болдинская осень №2**. «Медный всадник»,

«История Пугачева», «Сказка о рыбаке и рыбке»,

«Сказка о мертвой царевне...».

30 декабря 1833 года – произведен в камер-юнкеры.

11 апреля 1836 года – выход первой книги «Современника».

27 января 1837 года – дуэль с Дантесом

29 января (10 февраля) 1837 года, в 2 часа 45 минут полудни поэт скончался.

– И что это может означать? – спросил я после того, как мы вдосталь поизучали данный лист. – И причем тут многозначительный эпиграф насчет дат?

– Даты вполне стандартные, – сообщил Зайкин, сверившись с компьютером. – Соответствуют общеизвестным.

– Вот и я про то. Зачем переписывать цифры из учебника за восьмой класс? Если для того, чтоб объем нагнать, то жалкие полстранички погоды не сделают.

– Я знаю, – вдохновился Ваня. – Это шифр.

– Да ладно. Набор слишком стандартный: родился, учился, женился... Что тут можно зашифровать? Или ты думаешь, что Пушкин специально подгонял даты, скажем, аудиенции у царя под нужное для шифра число?

– А вот тут интересно, – подал голос дядя Миша, до сей поры вдумчиво изучавший свой листок. – Смотрите, в 1820 году молодой поэт завершил работу над поэмой «Руслан и Людмила». И в этом же году его отправляют в ссылку. Типа, царю стихи не понравились?

– Щас глянем, – руки нашего эксперта запорхали над клавиатурой. – Вот. Энциклопедия Кирилла и Мефодия сооб-

щает:

«Окончание работы над „Русланом и Людмилой“ совпало с резким недовольством императора поведением и возмутительными стихами Пушкина: речь пошла о Сибири или покаянии в Соловецком монастыре. Пушкин был вызван к военному губернатору Петербурга графу М. А. Милорадовичу и, сознавшись в том, что загодя уничтожил крамольные стихи, заполнил ими целую тетрадь (не найдена)».

– У, как интересно, – сказал я. – Значит, какие-то тайные тетради все же существуют!

– А я не понял, – вставил свое мнение Зайкин. – «Руслан и Людмила» – это сказка. Царь что, сказок не любил?

– Может, он там намек усмотрел? – предположил старший прапорщик. – Ну, помните: «Моя Наина неверна! Моя Наина охладела!».

– Не Наина, а Земфира, – закатил глаза эксперт. – И это вообще из другой оперы. Ты в школе-то учился? Или тебя, как во времена ликбеза, просто перевели из разряда неграмотных в разряд малограмотных?

– Так, прекратите, – пресек я. – Предлагаю высказываться без перехода на личности.

– Нет, все-таки странно, – гнул свою линию дядя Миша. – Пушкин в молодости был, вообще говоря, не подарок. Пил, кутил, писал оскорбительные эпиграммы. На дуэлях дрался с 17 лет... Все считалось как бы в порядке вещей.

Но стоило ему создать шедевр, вошедший в золотой фонд литературной славы России, как царь высказал резкое недовольство и готовность загнать молодое дарование в Сибирь. Совпадение?

– А знаете, – произнес я, задумчиво потирая ладонью подбородок, – сам Пушкин, похоже, не считал «Руслана и Людмилу» сказкой. Он начинает и заканчивает поэму словами:

«Дела давно минувших дней
Преданья старины глубокой».

Мои соратники переглянулись.

– Нет, стоп, – сказал Ваня. – Если мы так будем по поводу каждой буквы строить широкомасштабные предположения, то никогда не закончим. Давайте дальше.

– А вот тут любопытно, – тут же продолжил старший прапорщик. – Оказывается, «Бориса Годунова» Пушкин написал осенью 1825 года. Я не знал.

– И что тут особенного?

– Ну, 1825 год... Осенью написал, а 14 декабря восстание декабристов.

– Думаешь, это как-то связано?

– Не знаю. По датам – прямая последовательность.

– В огороде бузина, во Киеве дядька. Или ты думаешь, что у царя Бориса и у декабристов политическая программа совпадала?

– Может, и совпадала, – обиделся дядя Миша. – Вы вообще знаете, чего там декабристы хотели? Я лично из школьного курса помню только то, что они разбудили Герцена¹.

– А он спал?

– Кто?

– Герцен.

– Прекратите, – снова был вынужден вмешаться я. – Чувствую, что при нашем уровне образования проблемы не решить.

– Верно, – одобрил старший прапорщик. – Надо Елену подключать. Она ведь не только спортсменка и красавица, но еще и отличница.

Идея подключить к обсуждению мою сестрицу мне самому уже не раз пришла в голову. Но выдергивать ее с уроков я не хотел. Другое дело, если вечером, в свободное время...

– Так. Думаю из первой странички мы больше ничего не выжмем. Давайте продолжим чтение.

¹ «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“ – звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря – это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах». В. И. Ленин. Статья «Памяти Герцена».

Второй листок начинался заголовком: «Общество «Арзамас»»

Далее сообщалось:

Кружок литераторов «АРЗАМАС» существовал в Петербурге в 1815—1818 годах.

Возник по предложению Д. Н. Блудова (племянника Г. Р. Державина).

Блудов предложил организовать общество «друзей литературы, забытых фортуною» – некий «ковчег Арзамаса».

Предложены были так же такие варианты названия, как «Арзамасская академия» и «Арзамас». Членов же общества полагалось величать, как «их превосходительства гении «Арзамаса»».

(Пометка карандашом: «Названия разные, но слово «Арзамас» присутствует во всех)

Справка: ГЕНИЙ (лат. *genius*, от *gens* – род), в римской мифологии божество, дух-покровитель рода, семьи, гражданской общины. Первоначально олицетворял мужское начало, жизненную силу. Рассматривался также, как самостоятельное божество, которое рождалось вместе с человеком и определяло его жизненный путь.

Общество имело устав, написанный В. А. Жуковским в соавторстве с племянником Державина.

Русский мемуарист Филипп Вигель информирует:»«Арзамас» сделался пародией в одно время и ученых академий,

и масонских лож, и тайных политических обществ».

В общем, шутки шутками, а без политики не обошлось.

В заключительных строках второго листа значилось, что «Дядя поэта, Василий Львович Пушкин, охарактеризовал заседания общества так: „Здесь острое словцо приязни всей дороже. И дружество почти на ненависть похоже“».

Больше на втором листе ничего не было.

– И зачем такая многозначительность? – пожал плечами Ваня, переворачивая страницу и изучая ее пустую обратную сторону. – Ну, «Арзамас». Мало ли сообществ у студиусов, жаждающих попить пивка в компании?

– Сообществ, может быть, и много, – не согласился дядя Миша. – Да уж больно название особенное.

– Да? И чем же?

– У меня племянник читал «Код да Винчи» Дэна Брауна и очень возмущался. Почему, мол, автор все важные исторические реалии переносит в Европу?! «Мы ничем не хуже, – бушевал племянник. – У нас свой Грааль есть».

– Грааль? При чем здесь это?

– А вы посмотрите на герб Арзамаса. По версии наших справочников на нем изображены цветные стропила. А по версии Дэна Брауна, две линии, образующие угол, направленный вверх, это символ мужского начала. Другие две линии, образующие угол с острием вниз – символ женского

лона. А все вместе они обозначают чашу Христову, Святой Грааль.

Герб Арзамаса

– Ты веришь Дэну Брауну?

– Я верю своим глазам. Во-первых, где ты видел стропила с острием вниз? Во-вторых, мужской и женский символы на гербе выделены разным цветом. Типа цветные стропила. Разве такое бывает? И, в-третьих, эти ломаные линии на гербе совместно образуют букву, с которой начинается имя Христа.

Повисла пауза. Мы с Ваней смотрели на дядю Мишу и просто не знали, что сказать. Вот так ничего себе откры-

тие!

– Да не, – выдавил, наконец, Зайкин, отмахиваясь ладошкой, как от привидения. – Не может быть.

– А я что, – пожал плечами старший прапорщик. – Просто высказал мнение.

– И потом у тебя цвета не совпадают.

– В смысле?

– Ну, Христа всегда изображают в красных одеждах и синем плаще. А на гербе Арзамаса стропила красные и зеленые. Не синие, ясно?

– О цветах я не подумал.

– Вот именно. А строишь глубокомысленные версии.

– Но если уж речь зашла о таких нюансах, то скажу: у герба основной фон – желтый. А на желтом синий цвет всегда превращается в зеленый. То есть цвета все-таки совпадают.

– Стоп. Стоп! – Я решил прекратить дискуссию, пока мы не договорились бог знает до чего. – Думаю, все эти наши рассуждения – пустое. Ну, выбрали лицеисты в качестве названия имя некого провинциального городка. Наугад. Попало на Арзамас. Случайность. Потому что никакого Святого Грааля (Sangraal), или, иначе говоря, Святой крови (San Greal), в Арзамасе никогда не было и быть не могло.

– А пояснения какие-то есть? – не унимался дядя Миша. – Может, там строительство особо широкомасштабное велось, и из-за этого в герб города вынесли стропила?

– Подробного описания символики герба, – зачитал с ком-

пьютерного экрана Зайкин, – в законах Российской империи нет, и теперь сложно объяснить ее смысл. Известно только, что герб принят указом Екатерины II в 1781 году, а автором является член конторы Геральдмейстеров Франциск Санти². Итальянец.

– Во как.

– Ну да, кругом засилье иностранцев, – подытожил я, складывая бумаги. – Пойдемте обедать.

– То, что он иностранец, понятно, – отвечивал дядя Миша, вытягивая из-под стула свой неизменный баул. – Неясно другое. Что же все-таки этот геральдический Святой Франциск изобразил на гербе Арзамаса: только ли странные цветные стропила или все-таки Святой Грааль?

² Санти – святой.

Глава 3.

Спецназ не выходит из боя

Поскольку на последней страничке в папках нашего нового друга-пушкиноведа обнаружился его контактный телефон, мы решили не обедать в конторской столовке, а вызво-нить ученого товарища и пообедать вместе на свободе, в го-родском кафе.

Погоды в эту осень стояли дивные, левитановские, так что мы шли, подставляя лицо нежаркому золотому солнечному сиянию, и испытывали чувство глубокого внутреннего удо-влетворения.

Возле обговоренного для встречи пункта общественно-го питания мы остановились и огляделись по сторонам. О! На противоположной стороне улицы как раз нарисовался наш литературовед. Он, приветственно помахивая нам ладо-шкой, стоял на остановке общественного транспорта, и за его спиной, ожидая автобуса, толпилось еще человек двадцать. Мы дружно заулыбались в ответ.

В этот миг неизвестно откуда вынырнувшая мощная ино-марка, даже не пытаясь притормозить, со всей дури выско-чила на тротуар и врезалась в группу людей, целясь прями-ком в нашего спецподготовленного ученого.

Тот подпрыгнул и перекатился по капоту.

Практически никто больше не успел отскочить. Удар был страшный, и асфальт мгновенно сделался мокрым и липким от крови.

Дурная иномарка, взревев на месте мотором, сделала движение, чтобы вырлиться из образовавшегося месива. Но дядя Миша, единым духом выхватил из своего баула что-то тяжелое, и в классическом стиле, подобно античному дискоболу метнул ей это что-то в лобовое стекло.

Тут же, неведомо каким образом оказавшийся на ногах, спецназовец рванул дверцу со стороны водителя и выволок того, мотавшего очумелой головой, из машины.

Ваня уже набирал телефон Службы спасения, а я ринулся помогать пострадавшим.

От момента мирного московского полдня до наступившего ужаса прошло всего несколько секунд и люди еще не успели осознать, что произошло, их только теперь настиг первый удар боли.

Вообще человеческий организм страшно хрупкий и исключительно выносливый одновременно. Если не дать истечь кровью, предотвратить наступление болевого шока, то даже самые тяжелые раны, и самые жуткие переломы с торчащими из кровавого месива обломками костей заживут. И люди, может быть, даже не останутся инвалидами. Было бы кому оказать первую помощь!

К счастью, нас этому обучали, так что я действовал, как хорошо отлаженный автомат. Руки-ноги-туловище работали как бы сами собой, а в голове билась только одна мысль: «Спасти, спасти, спасти!».

Когда подъехала первая машина «скорой помощи», у большинства пострадавших кровотечения мы уже остановили. Остановка, бывшая когда-то вполне мирной и заурядной, напоминала теперь переполненный полевой лазарет, возле которого прямо на асфальте лежали тела.

Я выглядел жутко: в процессе оказания экстренной помощи перемазался, как вурдалак во время пьяного пиршества, но зато люди уже не кричали от боли. А когда подоспевшие медики начали укладывать их на носилки, пожилой врач даже спросил у меня: «Вы что, промедол им вкололи? Что-то они тихие...». «Да нет, – удивился я. – У нас ничего такого с собой не было. Никто же не ожидал...». «Ну-ну»...

На этом скверные новости не закончились.

Оказалось, что пока мы возились с ранеными, наш спецназовец, пытавшийся заломать обкуренного водилу, получил от его приятеля-пассажира удар ножом в спину.

Видя, что мы по уши увязли в перевязках и наложениях жгутов, он каким-то образом умудрился молча вырубить нападавшего и только после этого потерял сознание.

«Спецназ не выходит из боя», – сказал по этому поводу

дядя Миша.

* * *

В больнице нас не пустили дальше приемного покоя. Молоденькая медсестра строго указала на облупленную казенную ванну, где обмывали неходячих новоприбывших, и велела мыться и стираться. А для того чтобы впоследствии мы не пугали больных своим растерзанным видом (я, например, в процессе наложения жгутов оторвал от своей рубашки оба рукава), выдала нам суровые темно-синие халаты.

Помывшись и приодевшись в больничное, мы стали выглядеть как пациенты, прошедшие долгий курс лечения от алкоголизма. Так что все встречные смотрели на нас с безгливой жалостью, но, слава Богу, не со страхом. Ради этого стоило потерпеть.

Регистраторша, к которой мы обратились с расспросами, сообщила, что Игорь Сикорин, поступивший с ножевым ранением в спину, находится сейчас в операционной. Врачи делают все возможное, но заранее обещать ничего нельзя.

После того, как мы предъявили удостоверения, медицинская дама немного смягчилась и, невзирая на наш скорбный вид, извлекла из ящика стола кожаную папку, найденную при пострадавшем. Оказывается, перед операцией наш спецназовец на несколько минут пришел в сознание и велел передать документы товарищам из органов.

– Вы ведь те самые? – уточнила она, испытующе глядя поверх очков. – О которых он говорил?

– Да-да, – уверили мы. И, заполучив бумаги выбывшего из строя пушкиноведа, на такси, чтобы не шокировать публику волосатыми дяди-Мишиными ногами, торчавшими из-под больничного халата, отправились домой.

Дальнейший путь по поискам таинственной рукописи нам предстояло проделать самостоятельно.

Глава 4.

Что можно извлечь из школьного курса литературы

Самое просторное (хотя и съёмное) жилище имелось у меня, так что продолжить исследования решено было в моих апартаментах.

Расставшись с казенным халатом и выдав сослуживцам цивильную одежду из личных запасов (дяде Мише моя футболка пришлась практически впору, а Зайкин утонул в рубашке от парадного мундира и долго сосредоточенно закатывал на ней рукава), я распорядился готовить обед, а сам позвонил сестрице Елене.

Та, узнав, что у нас возникла острая нужда в ее познаниях школьного курса литературы, страшно оживилась и пообещала прибыть максимально быстро.

– С уроков не сбегай, – успел крикнуть я, но девица, кажется, уже отключилась. Я вздохнул и побрел на кухню, где коллеги как раз закончили выгребать из холодильника и шкафов все наличные продукты и теперь продумывали для них наиболее аппетитные сочетания.

– Эх, огурчики маринованные пропали, – сетовал дядя Миша, пристраиваясь возле раковины чистить картошку.

– Здесь вроде не было огурчиков, – удивился я.

– У меня были. Утром зашел в магазин, купил. А когда тот гад в машине завозился, собираясь выруливать прямо по ранным, залепил ему банкой в лобовуху.

– Так вот чем ты его контузил!

– Ну да. Вроде на дело пустил, а все равно жалко.

– Не горюй, дядя Миша, – откликнулся сердобольный Зайкин. – Мы скинемся всем отделом и, по итогам квартала, премируем тебя трехлитровой банкой.

– Отзывчивый какой. Дорога ложка к обеду!

Сестрица Елена прибыла действительно оперативно – мы еще не успели сесть за стол. В качестве дополнения она пригнала очкастенького одноклассника, который был маловат ростом, но держался солидно. Я заприметил этого паренька еще в прошлом учебном году – он частенько появлялся рядом с Еленой и, судя по всему, пытался за ней ухаживать.

– Семен, – представился очкастенький, и мы торжественно поздоровались за руку.

За едой он держался со спокойным достоинством, и ел хорошо, что внушало надежду.

Когда, завершив прием пищи, все перешли в гостиную и расположились за большим столом, стоявшим в центре, я выложил на стол кожаную папку. Поскольку ее владелец был из строя, нам предстояло вести поиск с самого начала и без подсказок.

– Значит, мы ищем потерянную рукопись Пушкина, – уточнил солидный Семен, выслушав мою вступительную речь.

– В итоге да. Но сначала необходимо провести анализ и выяснить: а была ли таковая вообще? Сам понимаешь, трудно найти то, чего в природе не существует.

– Угу.

Паренек притянул к себе прозрачный файл с листами, которые мы уже изучили, и погрузился в чтение. Елена с секундным опозданием проделала ту же операцию, но эта ее задержка сказала мне о многом. Похоже, девчонка так верит в своего приятеля, что считает свою помощь не особенно и нужной.

Пока дети просматривали бумаги (у них ушло на это минут десять), Ваня Зайкин нетерпеливо ерзал. Бедняге хотелось курить, но из педагогических соображений сделать это он не осмеливался.

– Итак, коллеги, – поторопил я, – какие есть мысли?

– Думаю, что в исследовании предложенной темы, – степенно начал Семен (какие формулировки малец заворачивает!), – стоит опираться на хронологию. Не случайно же ей уделено столько места, да и эпитафия, в котором утверждается, что «Все висит на датах», наводит на определенные размышления.

– Допустим. Дальше.

– Первое, что бросается в глаза, – высокая творческая активность Пушкина в период до 1833 года. Именно в это время написаны все его крупные произведения.

Следующие годы помечены весьма скудно:

30 декабря 1833 года – произведен в камер-юнкеры.

11 апреля 1836 года – выход первой книги «Современника».

27 января 1837 года – дуэль с Дантесом

29 января (10 февраля) 1837 года, в 2 часа 45 минут полудни поэт скончался.

Таким образом, совершенно непонятно чем Александр Сергеевич занимался в последние три года. В творческом плане, я имею в виду.

– Но погодите, – возмутился Зайкин, – а как же «Капитанская дочка»? Она, насколько я помню, опубликована как раз в 1836 году.

– Ну да. Но написана, скорее всего, гораздо раньше. В период, когда Пушкин работал по Пугачеву. Кстати, я не стал бы утверждать, что «Капитанская дочка» – лучшее произведение и вершина творчества Александра Сергеевича. Изложено довольно занудно и как будто бы даже кем-то другим.

– Вы все путаете, – вмешался я. – В последние годы жизни Пушкин занимался редактированием журнала «Современ-

ник», который должен был объединить талантливую молодежь и поддержать начинающих авторов. Тех, которые имели незаурядный литературный дар, но еще не заработали себе имя. Одним из таких авторов был выходец из малороссийской глубинки Николай Гоголь.

– А что, – оценил дядя Миша. – Поддержка талантов – дело архиважное! А то ходит этакий замкадыш, холодный, голодный, никому не нужный... А в нем, возможно (кто знает!) сокрыта грядущая слава России.

– Нет, это вы путаете, – бесстрашно продолжил гнуть свою линию очкастенький Семен. – Во-первых, выпуск журнала начался только в 1836 году.

Во-вторых, в «Египетских ночах» Пушкин дал поэтическому дару следующее описание:

«Однако же он был поэт, и страсть его была неодолима: когда находила на него такая дрянь (так он называл вдохновение), Чарский запирался в своем кабинете и писал с утра до поздней ночи. Он признавался искренним своим друзьям, что только тогда и знал истинное счастье».

Так что редактирование редактированием, но поскольку «страсть неодолима» то, по меньшей мере, два года – 1834 и 1835-й – Александр Сергеевич должен был что-то писать. А теперь ответьте: где это «что-то»?

– Угу, – сказал я. – Выходит, мы логическим путем пришли к выводу, что некая неопубликованная и вообще неизвестная рукопись Пушкина все-таки существовала. Так?

– Безусловно.

– Более того, произведение, на которое наш поэтический гений потратил как минимум два года, должно быть значительным. Масштабным! Согласны?

– Разумеется.

– А если учесть, что все крупные произведения Пушкина посвящены исторической теме, то...

– То находка нового неизвестного труда Солнца русской поэзии, – подхватил дядя Миша, – станет важнейшим событием культурной жизни страны. А может быть, даже всего мира в целом.

– Ой-ой, как пафосно, – поморщился эксперт Ваня, который все это время не отрывался от своего ноутбука.

– Вы, коллега, имеете что-то возразить?

– Имею. Дело в том, что находка, которую вы здесь так возвышенно предвкушали, давно сделана. Все найдено, опубликовано, занесено в академические издания и каталоги. И каждый культурный человек обязан об этом знать.

– Вообще говоря, да, – кивнул очками Семен. – В школьном учебнике указано, что Пушкин задумал масштабное историческое произведение, посвященное Петру Великому. Другое дело, что труд сей никогда не увидел свет, а нам, потомкам, достались только несистематизированные наброски, выписки из архивных документов и прочие подготовительные материалы. Которые действительно опубликованы.

– Так, – озадачился я. – Что же в итоге у нас получается?

Ответить никто не успел, так как в этот момент дядя Миша, который все время держал на коленях кожаную папку, доставшуюся нам в наследство от выбывшего товарища, что-то там внутри нащупал.

– Ба! – воскликнул он с детской непосредственностью, – да здесь потайное отделение!

Глава 5.

Письмо из прошлого

Повозившись совсем немного, находчивый наш старший прапорщик извлек на свет очередной файл, в который бережно был запакован ветхий конверт, надписанный выцветшими чернилами.

Конверт был изрядно попачкан, углы истрепались... Но дата на почтовом штемпеле читалась совершенно отчетливо «22.05.1919».

Причем в далеком, революционном 1919 году конверт, похоже, не вскрывали. Он был аккуратно разрезан по краю чем-то острым и современным.

В общем, это было самое настоящее письмо из прошлого. Дядя Миша торжественно выложил находку на стол, и мы, сгрудившись, принялись разбирать адрес, начертанный крупными старомодными буквами безо всяких знаков препинания.

«Псковской губернии
Порховского уезда
Гарской волости
село Жабинец
Андрей Анисимовичу

из Болдино».

Болдино! Как много в этом звуке...

Кстати, упоминание Псковской губернии тоже выглядит многозначительно. Потому как именно там располагается село Михайловское – родовое имение Ганнибалов-Пушкиных. И хотя в литературе не сложилось понятие «Михайловская осень» или, к примеру, «Михайловская зима», Александр Сергеевич бывал там неоднократно и написал в родных пенатах ряд широко известных произведений. В том числе, драматического «Бориса Годунова» и фривольно-жизнерадостного «Графа Нулина».

Однако почему письмо столько лет оставалось нераспечатанным?

Повертев конверт так и сяк, мы обнаружили, что второй почтовый штамп, пропечатанный на обратной стороне конверта, несет дату «7.06.1919». А отметок псковских почтовиков на нем не просматривалось. Значит, письмо было отправлено, но с полдороги вернулось. Интересно, почему?

Поместив конверт под яркую лампу, мы, внезапно, сделали новое открытие. Фиолетовое пятно, которое первоначально выглядело как заурядное загрязнение, оказалось бледным чернильным штампом. И на нем, хотя первое слово не читалось вообще, удалось разобрать отдельные буквы. Смысл, похоже, заключался в том, что письмо не было вручено ад-

ресату «по важным (или, возможно, „сложным“) обстоятельствам».

В общем, была какая-то серьезная причина. Можно, кстати, уточнить у почтовиков – имеется ли какая-либо официальная формула сообщения о невозможности доставки письма адресату. Ведь даже штамп специальный существовал!

Ладно. Но как выяснить, что же это за «важные» (или «сложные») обстоятельства помешали письму добраться из Болдино до вожделенного псковского села?

– Тоже мне проблема! – высокомерно высказался Ваня Зайкин, разворачивая к себе свой ноутбук.

А я решил пойти другим путем. В моих книжных шкафах существует полка, отведенная специально для различного рода карт и путеводителей. Я их покупаю в каждом городе, где удается побывать, и считаю увлечение подобного рода крайне полезным.

Путеводитель по Пскову, изданный в далекие социалистические годы, не подвел. Уже на первых страницах в нем обнаружился следующие строки:

«В мае 1919 года над Псковом снова сгустились тучи: у его окраин появились белоэстонские части и отряды белогвардейцев. Несмотря на мужество защитников, 25 мая город пал и был вновь освобожден только 26 августа. На псковскую землю пришел долгожданный мир».

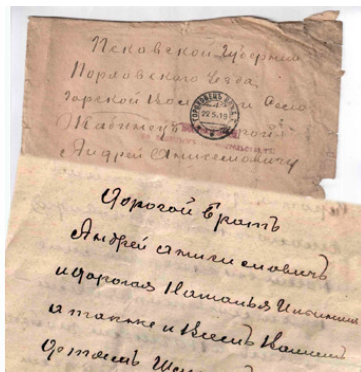
Ага! Найденное письмо отправилось в свое путешествие

22 мая 1919 года. И как раз попало на линию фронта, преодолеть которую не смогло. Поэтому, так и не добравшись до адресата, послание вернулось в... Э-э-э... В общем, куда-то вернулось.

Но в руки отправителя не попало, а пролежало где-то нераспечатанным до тех пор, пока наш ученый спецназовец его не обнаружил. И счел, видимо, особо важным, так как поместил в потайной карман своей кожаной папки.

Сообщив коллегам результаты путеводительских изысканий, я предложил закончить предварительное исследование и приступить непосредственно к письму.

Право извлечь древний документ из оболочки доверили Елене. Никакой дискриминации – просто у дам ручки более нежные, да и аккуратность женского пола даст нам, грубым мужчинам, сто очков вперед.

Письмо из 1919 года

Сестрица не стала отнекиваться и, не без некоторого внутреннего трепета, извлекла из бумажного пакета прекрасно сохранившийся сдвоенный лист, исписанный полностью со всех сторон. Причем в последней строке стояла дата: «9 мая 1919 г.».

Хм. В те времена 9 мая еще не стало нашим национальным праздником. Обычный, вероятно даже будний день.

А на конверте проштамповано другое число – 22 мая. То есть на почту письмо попало с заметной задержкой. Почти на полторы недели позже того, как было написано. Интересно, почему?

Может быть, отправитель просто забывал опустить конверт в почтовый ящик, таскал в сумке, и каждый вечер досадливо хлопал себя ладонью по лбу, дескать, вот чудак,

опять забыл зайти на почту?

Сомнительно. Время тогда было сложное, военное, не располагающее к пустым словесам.

Нет, в этом конверте должно содержаться что-то важное!

Казалось бы, чего попусту гадать: письмо перед глазами.

Прочти и узнай обо всем.

Не так-то просто!

Во-первых, незнакомый и достаточно витиеватый почерк.

Причем многие буквы автор письма пишет слитно – верный признак образованного человека. А ведь дело происходило еще до того, как в советской России началась поголовная ликвидация неграмотности³.

Если учесть, что СССР был образован 30 декабря 1922 года, то из приведенного текста становится ясно, что культурная революция победила не ранее, чем через 4 года после того, как некий, пока нам неизвестный житель села Болдино написал свое таинственное послание.

Значит, он получал образование еще в царское время.

³ «Ликвидация неграмотности (от новолатинского *liquidation* – окончание дела), массовое обучение неграмотных детей и взрослых. В дореволюционной России (по переписи 1897 года) было лишь 26,3% грамотных. 26 декабря 1919 года был издан декрет о л. н. среди населения РСФСР в возрасте от 8 до 50 лет. В ходе культурной революции неграмотность в СССР была ликвидирована». (Энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1963.)

Но приступим же к чтению.

Текст письма:

«Дорогой брат Андрей Анисимович и дорогая Наталья Ильинична, а также и всем вашим детям. Шлю от себя и от своих детей свой глубокий поклон и пожелания вам всем доброго здоровья. Дорогой брат, у меня великое горе. То есть 24 марта сего года скончался свет мой Андрюша. Был болен 3 недели. Теперь я остался круглый сирота. Даже не с кем стало и поговорить. После его смерти мне пришлось тоже вылежать в постели. Той же болезнью три недели. Сейчас немного поправился. Могу землю выкопать. Но меня еще посетило горе. 8 сего мая пал у меня двухлетний жеребенок, за которого недавно мне давали 3000 рублей. Дорогой брат Андрей Анисимович, у меня великая просьба. Будь добр, нельзя ли тебе прислать ко мне хотя на сенокос одну из дочерей. А то право не знаю, что мне без твоей помощи будет и делать. Нужно еще передать тебе передачу от известной тебе Натальи Николаевны. Это важно. По получении сего письма уведошь меня как вы все поживаете, и где у тебя в настоящее время находится твой сын Иван Андреевич. Буду ждать твоего ответа с нетерпением. Не откажи дать ответ поскорее. Затем прощай. Желая тебе и всему твоему семейству всего, всего доброго, согласия и здоровья.

Твой брат Василий Анисимович Смирнов.

*Село Кистенево, Нижегородской губернии,
Большеболдинского уезда.
9 мая 1919 года».*

Итак, мы узнали, что отправитель письма – Василий Анисимович Смирнов – в начале мая 1919 года попал действительно в очень сложные обстоятельства. На грани жизни и смерти.

Он остался больным, одиноким, и для того, чтобы выжить, ему срочно требовалась помощь родственников.

Но письмо через линию фронта переправить не сумели, весточка от брата не пришла, и Василий Анисимович, весьма вероятно, умер, так и не дождавшись ответа. А невостробованный конверт кто-то, не решившись выкинуть, засунул в коробку с ненужными вещами, хранившуюся, вероятно, на чердаке, и там, в дальнем углу, отчаянная просьба о помощи оказалась забыта почти на столетие.

Печальная история. Но, увы, не содержащая ничего сверхобыкновенного. В годы гражданской войны разыгрывались и не такие драмы.

Но Болдино... Кистенево... некая таинственная Наталья Николаевна, упоминаемая в письме. Как удивительно все это ложится в канву жизни великого нашего поэта.

А если вспомнить, что в Болдино жили не только бывшие

дворовые семьи Пушкиных. Александр Сергеевич, как человек любвеобильный (поэт!), говорят, не пропускал своим вниманием и пригожих сельских молодок. Так что у него там родственники (потомки) до нашего времени могли оставаться!

Это, кстати, неплохо объяснило бы высокую грамотность писавшего, бывшего, судя по тексту, сугубым крестьянином с крестьянскими же заботами (сенокос, жеребенок, землю копать...).

– Но получается, что передачу от Натальи Николаевны, – заметил, предварительно крепко почесав лоб, эксперт Зайкин, – отправитель письма сделать не сумел. Раз письмо вернулось, значит, псковский родственник узнать о беде не смог, и ни дочь на сенокос, ни сына Ивана Андреевича для получения посылки в Болдино не отправил.

– Выходит, эта штука еще там, – завершил мысль солидный Семен. – Нужно ехать в Болдино.

С этим мнением все немедленно согласились.

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полон – таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).*

Глава 6.

Неожиданное открытие

Ехать в Болдино мы (наша боевая тройца плюс сестрица Елена) решили через Арзамас. Во-первых, Александр Сергеевич сам так ездил, а во-вторых, атлас автомобильных дорог России уверял, что дорога там хорошая и не сулит путешественникам проблем.

Все так и оказалось. Действительно прекрасная асфальтовая лента живописно вилась меж среднерусских холмов, вписываясь в пейзаж с поистине поэтической грацией. Взобравшись на очередной холм, далеко-о-о можно было простирать взор.

И видеть, что впереди, почти до самого горизонта, по великолепной этой дороге тянется нескончаемая пробка.

Да, как ни печально признать, лента шоссе имела всего-навсего две полосы. По встречной обгонять не получалось – навстречу катил достаточно плотный поток. А огибать по колдобинам медленно влекущуюся машинешку, растопырившуюся на нашей полосе и не умеющую развить на здешних крутых подъемах больше 60 километров в час, – себе дороже. Или завязнешь, или, как минимум, загубишь подвес-

ку. Так что на шоссе царила демократия: все машины, независимо от марки и мощности мотора, плелись с одинаковой скоростью, с мрачным упорством нацелившись своим бампером в задний бампер впереди идущего.

– А заметили, – сказал дядя Миша, с бесконечным терпением сидящий за рулем казенной «лады», – что за нами от самой Владимирской области тянется темно-синяя «вольво»?

– В каком смысле «тянется»?

– В том, что первый раз я ее заметил после того, как переехали мост через Клязьму. Мотор у них мощный, дорога была свободной... А они как нарисовались позади нас, так и остаются до сих пор.

– Может просто не торопятся...

– На «вольво»? И не торопятся?

– А что, – предположил Зайкин, пытающийся заснуть на заднем сиденье, – может, хотят проникнуться атмосферой здешних мест. Пушкин по этой дороге вообще на лошадях ездил. А для гужевого транспорта 60 километров в час это, знаете ли...

– Ну да, – хмыкнул старший прапорщик. – На дворе XXI век, впереди ядерный центр общемирового значения⁴, а мы

⁴ САРОВ, город в Российской Федерации, Нижегородская область, расположен на месте бывшего Саровского монастыря. Население – 84,6 тыс. Основан в 1939. До 1991 года назывался Арзамас-16, в 1991—1995 – Кремлев.

все на гужевой транспорт ориентируемся. Очень мило.

В начале 1950-х гг. был основан НИИ экспериментальной физики. После 1991-го Саров является Федеральным ядерным центром России.

– погоди, дядь Миш, – с опозданием среагировал я, – ты хочешь сказать, что за нами следят?

– А ты можешь предложить другое объяснение?

– Да ладно. Мы же не ядерный центр едем взрывать, а всего-навсего ищем рукопись Пушкина, вещь вполне гуманитарную и, к тому же, написанную два века назад.

– Ну да, – недовольно фыркнул Зайкин. – То-то за нее нашего литературоведа пытались машиной сбить...

– Не факт, что его. Просто пьяный водитель. Не справился с управлением...

– Сам-то веришь, о чем говоришь?

Я рассердился:

– А ты вообще спи. Или любуйся пейзажем. В кои-то веки выбрались на природу... В золотую осень. В пушкинские места... А он все недоволен. Ворчун!

Зайкин ответил невнятно и, кое-как угнездившись в уголке, закрыл глаза.

* * *

Арзамас, основанный в царствование Ивана Грозного, не производил впечатления города ни древнего, ни исто-

рического. Высотные здания, правда, отсутствовали, зато в центре мы обнаружили стандартные супермаркеты со стандартными же рекламными щитами на стенах. Имелось, правда, и изрядное количество церквей (чуть ли не четыре десятка!), но все поздние – XIX и даже XX века.

Отсутствие сколь-нибудь древних строений объясняется тем, что Арзамас, как и многие прочие города центральной части России, в полной мере ощутил на себе влияние Екатерининской административной реформы. Просвещенная правительница (как никак с самим Вольтером переписывалась!) в 1781 году озаботилась тем, чтобы все подвластные ей города получили так называемый «регулярный план». То есть, чтобы на смену кривым средневековым улочкам с садами, палисадами и вишнями в цвету пришли широкие прямые проспекты, рассекающие поселение от края до края.

Местные жители, которым предлагали убраться с насиженных мест и снести дома, в которых ранее мирно проживали несколько поколений предков, от таких новшеств в восторг, надо думать, не приходили. Возможно, они даже протестовали.

Но каждый раз на помощь нововведениям из столицы чудесным образом приходил грандиозный неугасимый пожар. По удивительному совпадению, он случался в каждом городе, где предполагалось введение регулярного плана. В качестве примера можно назвать Кострому, Архангельск, Вязники, Муром, Нижний Новгород и ряд других населенных

пунктов.

В результате буйства огня, случившегося так кстати, центр города естественным образом освобождался от построек, а далее уже ничто не мешало прокладке светлых проспектов европейского типа. О которых, собственно, и мечтала милостивая государыня-императрица.

Таким образом, в царствование Екатерины II облик практически всех российских городов решительно обновился, и сейчас в них трудно найти здание, построенное ранее XVIII века. В Нижнем Новгороде, например, от более ранних времен уцелел один единственный подвал XVII века плюс старинный седой Кремль, восстановленный из бесформенных развалин в 1949—1969 годах.

Арзамас не стал исключением из общего правила и потому, несмотря на обилие храмов, смотрелся довольно скучно.

Но если здания не сохранились, может быть, память народная сберегла какие-то интересные факты?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы остановились возле одного из торговых центров и стали высматривать среди прохожих кого-нибудь поинтеллигентнее. Из того поколения, которое еще помнит, что Россия некогда числилась «самой читающей страной в мире».

Долго ждать не пришлось. Наше внимание привлек скромно одетый дядечка в очках, которого мы идентифицировали как бывшего учителя.

– Здравствуйте, – сказали мы, с милыми улыбками выбираясь из машины. – Не подскажете ли приедем, почему у вас город называется так непривычно для слуха русского человека – Арзамас?

Дядечка окинул нас быстрым взглядом подслеповатых глаз и уточнил:

– Вы из Москвы?

– Ага.

– А не подскажете, почему ваш город называется так непривычно для слуха русского человека – Москва?

– Э-э...

– Это название произошло от Москвы-реки, – нашелся Зайкин.

– А название Москвы-реки от чего?

– Ну, уел, уел, – признал дядя Миша. – В этимологии мы не сильны. А не подскажешь ли, уважаемый, нет ли в вашем городе каких-нибудь особых достопримечательностей?

– Особых? – задумался прохожий, и глазки его за толстыми стеклами очков затуманились раздумьем.

– Ну да.

– В музей обращались?

– Пока нет.

– Тогда скажу кратко: Арзамас знаменит своей школой живописи. Она основана в 1802 году и была первой в России, где обучали детей.

Следующая достопримечательность – пролетарский писа-

тель Голиков, родившийся в нашем городе.

– Голиков? – наморщил лоб Зайкин.

– Ну да. В детстве он увлекался романами Дюма, и потому псевдоним себе взял, как у д`Артаньяна. Буква «Г» от фамилии, «А» и «Й» от имени Аркадий, а окончание – от названия родного города «д`Ар».

– А, Гайдар! – просветлел наш эксперт. – Знаю такого.

– Да, Гайдар, помню, – ностальгически затуманился дядя Миша. – «Летят самолеты – привет Мальчишу, плывут пароходы – привет Мальчишу»... Но мы, вообще-то, хотели узнать немного о другом.

– Да?

– Нет ли у вас в городе легенды, связанной с чашей Грааля?

– С чем? – удивился бывший учитель, державшийся до сих пор несколько иронично.

– Ну, Sangraal, Святой Грааль, или San Greal, Святая кровь... Что-нибудь в этом роде, а?

– Хм..., – наш собеседник снял с носа очки и принялся вдумчиво рассматривать стекла.

– Похоже, что-то есть, – прошептала Елена, подталкивая меня под локоть.

– Насчет Грааля не скажу, – произнес наш интеллигент, надевая очки и оглядывая нас с каким-то новым выражением. – Но что касается Святой крови...

– Так-так-так, – оживился Зайкин. – С этого места по-

дробнее...

– Вы слышали что-нибудь об Ивановских буграх?

– Нет.

– Это одно из самых знаменитых и трагических мест в нашем городе. Там, в 1670 году, казнили 11 тысяч пленных казаков из отрядов Степана Разина.

– Сколько?!!

– 11 тысяч.

– Мать моя! Это ж сколько времени нужно, чтобы не из пулеметов расстрелять, а казнить такое количество народа?!

– Три месяца. Виселицами была уставлена вся округа.

Страшное дело было.

– Да уж... Похоже без Святой крови тут не обошлось...

– А там какой-нибудь памятник имеется? – спросила Елена, прячась за моим локтем. – Мемориал?

– Раньше был. Но во время последней войны все разобрали на кирпичи. Так что теперь там...

– Чистое поле? – предположил Зайкин.

– Нет, почему же... Бугры, они и сейчас бугры.

– А проехать туда и посмотреть можно?

– Почему нет? Езжайте по той дороге, потом свернете направо. Там спросите, люди покажут.

– Спасибо вам большое.

– Не за что. И, кстати, слово «Арзамас» на языке местной народности означает «красивое место». А насчет Москвы вы

уж сами как-нибудь уточните.

– Спасибо. Обязательно.

* * *

Найти место страшной массовой казни удалось безо всякого труда. Практически все жители, к которым мы обращались, чтобы уточнить направление, знали, о чем идет речь, и охотно показывали куда ехать.

– Там сейчас дорога хорошая, – простодушно поделился информацией бодрый дедок. – Администрация землю отдала под коттеджи, так что дорогу сделали...

– На месте, где стояли виселицы, теперь коттеджи строят? – не поверила сестрица Елена.

– Так то ж новые русские.

– Они что, не люди?

Пожатие плечами было нам ответом.

Зайкин, через смартфон, подключившийся к Интернету, нашел страничку, посвященную истории Арзамаса, и теперь монотонно зачитывал:

«Страшно было смотреть на Арзамас, – писал в своем дневнике один из офицеров-иностранцев, – его предместья казались совершенным адом: повсюду стояли виселицы и на каждой висело по 40 и 50 трупов, там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью; здесь торчали колья, на которых мучились преступники, и часто были живы

по три дня, испытывая неопишуемые страдания. В продолжении трех месяцев в Арзамасе казнили одиннадцать тысяч человек».

«Все захваченные в плен принимали смерть с мужеством необыкновенным, будучи в твердом убеждении, что умирают они за правое дело».

– Я не понимаю, – не выдержала Ленка. – Как такое могло быть?!

– В смысле – казни?

– В смысле, что все попавшие в плен были казаками. То есть профессиональными воинами, мастерски владеющими боевым искусством. Если они видели, что смерть неизбежна, почему не сопротивлялись? Пожелай они продать жизнь подороже, могли бы голыми руками всех палачей разогнать. И вообще, в случае восстания, хоть у некоторых появился бы шанс уйти. В смысле спастись. Сами же говорите, пулеметов тогда не было...

– Хм, – сказал дядя Миша, вырубивая к высокому взгорку, покрытому клочковатой травой и скудным кустарником. – В самом деле...

Машина встала, но мы не спешили выбираться наружу. Как-то не хотелось.

– Такое впечатление, – сказал, наконец, я, – что плененные разинцы кого-то или что-то защищали. Например, жизни своих родных... Им могли пообещать, что если они добровольно и безропотно примут смерть, то их родственники

не пострадают.

– А может, они защищали какую-то тайну? Вон, Зайкин зачитал, что «они умирали за правое дело». Может, за Святой Грааль?

– Да ладно! Откуда в наших краях взяться чаше Христовой?

– Не хочу вас слушать, – заявила Елена и решительно распахнула дверцу машины.

– И то верно, – согласился я. И мы все выбрались наружу. Удивительный покой среднерусской природы объял нас.

Перед нами, с поистине русским размахом широко, просторно раскрылась панорама православного города с возвышающимися белыми свечами церквей и привычными русскими домиками, по крышу утопающими в зелени садов.

Мы стояли, смотрели... А земля вокруг нас действительно бугрилась какими-то неровными холмиками, бугорочками, которые не могла скрыть скудная трава.

– Правду тот дядечка сказал про Арзамас, – вздохнула Елена, не отрывая взгляда от раскинувшего перед нами простора. – Это действительно очень красивое место...

Глава 7.

Мы находим путеводную нить

Пушкинский дом-музей в Болдино был организован именно так, как я люблю. Никаких тебе стеклянных витрин с экспонатами, никаких скучных стендов... Все: мебель, картины, книги, предметы домашнего обихода выглядели так, словно Александр Сергеевич только что был здесь и по чистой случайности вышел в сад буквально за минуту до нашего прихода. На столе остались исчерканные листы новой рукописи, на диване пригrelась недочитанная книга...

Даже монументальные напольные часы, родом из XIX века, мерно тикали и невозмутимо показывали правильное время.

Несмотря на то, что Большое Болдино расположено вдали от крупных населенных пунктов (мы добирались сюда больше восьми часов!), музей не пустовал. О том, чтобы в одиночку прогуляться по залам и незаметно (!) поискать какой-нибудь тайник, нечего было и мечтать. Нас, невзирая ни на какие удостоверения, заставили обуться в гигантские все-размерные шлепанцы, выпускаемые обувной промышленностью специально для того, чтобы истязать экскурсантов, и заставили присоединиться к организованной туристической

группе.

– Болдино стало земельным владением Пушкиных, – вдохновенно рассказывала женщина-экскурсовод, – во времена Ивана Грозного. Евстафий Михайлович Пушкин был послом при дворе царя и получил этот земельный надел, чтобы иметь возможность кормиться на время службы.

Позднее Болдино перевели в разряд вотчины с тем, чтобы оно могло передаваться по наследству.

Деду Александра Сергеевича принадлежали в наших краях довольно крупные земельные владения. Но впоследствии земля была поделена между наследниками, и отцу Пушкина принадлежала уже только юго-восточная часть Болдина с барским домом. В его собственности оказалось также село Кистенево. А всего – 140 крестьянских дворов, где проживало более 1000 душ крепостных.

– Скажите, – спросил Зайкин, вытягивая шею, чтобы экскурсовод могла различить его в толпе туристов, – а усадьба сохранилась в первоизданном виде?

– Нет, дом многократно перестраивался. Но, тем не менее, сохранил все основные черты, характерные для зданий начала XIX века.

– Вот так, – недовольно буркнул эксперт, втягивая шею обратно. – И зачем, спрашивается мы сюда пришли? Надо было искать нашего Смирнова, отправителя письма.

– И где бы ты стал искать человека, умершего в 1919 году?

На кладбище?

– Да хоть и там.

– Ну, дорогой, мы не в Англии, где принято создавать и хранить фамильные склепы с зарытыми в них сокровищами. Здесь, в лучшем случае, нашлась бы просевшая могилка с фанерной звездочкой. Оно тебе надо?

– ...богатое собрание книг, – рассказывала, между тем, экскурсовод. – В доме-музее на Мойке (в Санкт-Петербурге) пушкинская библиотека насчитывает несколько тысяч томов на 14 языках мира. Здесь собрание несколько скромнее, и, тем не менее,...

– На 14 языках? – озаботился неугомонный Зайкин. – Это на каких же? Я столько и названий-то не знаю. Тем более что китайский и японский отпадают...

– Ну, наверное, там был польский, старославянский, греческий...

– Хватит болтать! – прошипела Елена, умиленно слушающая экскурсовода.

– Расположенная рядом с усадьбой церковь Успения была построена в 1780—1790-е годы дедом поэта, Львом Александровичем Пушкиным. Знаменательно, что освящение храма произошло в год рождения поэта.

– Вот! Вот куда нам нужно было идти, – не унимался ску-

чающий без компьютера Зайкин. – Наверняка там что-нибудь...

– В советское время церковь была разрушена практически до основания, – разочаровала его экскурсовод, – но в настоящее время...

– Блин, да что же такое...

– А смотрите, какой шкафчик интересный, – вступила в полемику Елена.

Вообще-то за сомкнутыми спинами многочисленных экскурсантов разглядеть что-либо в подробностях было затруднительно. Но сестрица вышла из положения с грацией современного тинэйджера. Она просовывала сквозь толпу руку с телефоном и там, на свободе, уже безо всяких помех фотографировала наиболее интересные экспонаты.

Шкафчик действительно оказался любопытным, потому что углы его были украшены резными женскими бюстами в античном стиле.

– А что там за стеклом?

За стеклом запертой на ключ дверцы покоилась небольшая, высотой с книгу, бронзовая фигурка Наполеона в характерной позе: со скрещенными на груди руками и задумчиво опущенной головой.

Фигурка Наполеона в книжном шкафу Пушкина

– Прикольная штучка, – снизошел до одобрения Зайкин.

Но дядя Миша оказался более внимательным, чем мы все. Отобрав у девицы телефон, он взгляделся в изображение

и ткнул пальцем в экран:

– Глядите-ка!

– Ну-ка, ну-ка...

Востроглазый старший прапорщик сумел прочесть название книги, притаившейся за скульптуркой Наполеона. На корешке значилось: «История Петра Великого».

– Простите, можно вопрос? – крикнул я, заметив, что экскурсовод жестами приглашает присутствующих перейти в следующий зал. – А кто автор вот этой книги? Про Петра I?

– Как кто? – удивилась женщина. – Пушкин, разумеется.

– Но пушкинская «История Петра» никогда не была издана. А здесь мы видим прекрасный переплет...

– Простите, – ответствовала экскурсовод, – вам стоит переговорить с главным хранителем. А мы продолжим наше знакомство..., – и она увела-таки туристов в соседнее помещение.

Мы остались наедине с нашей находкой.

– Так, – начал я, оглядев соратников. – С чего начнем?

– Могу открыть замок за пару секунд, – быстро отреагировал Зайкин.

– Кража со взломом, – оценил старший прапорщик.

– Почему кража?! Просто посмотрим и все.

– Тогда незаконное проникновение.

– Прекратите, к нам идут, – прошипела сестрица. И, сделав умильную мордочку примерной ученицы, шагнула навстречу двум приближающимся дамам: – Как интересно

у вас тут все...

– В чем дело, товарищи? – начальственного вида дама, не поддаваясь на уловки школьницы, остановилась рядом и уперла в нас бескомпромиссный взгляд.

– Да вот хотелось бы уточнить насчет авторства данной книжицы...

– Этой?

– Да. Дело в том, что труд Пушкина...

– Вы правы, – мгновенно сориентировалась руководительница. – Действительно, после смерти Александра Сергеевича царь Николай I отправил к нему в дом воспитателя наследника поэта Жуковского. С наказом собрать все бумаги, оставшиеся от покойного, и, дабы они никого не скомпрометировали, все без рассмотрения немедленно сжечь. Так что от последнего труда Пушкина сохранились лишь наброски, хранившиеся вне дома, архивные выписки и пометки цензоров.

– Вот. А здесь мы видим...

– Все ясно. Пройдемте в канцелярию и посмотрим по описи.

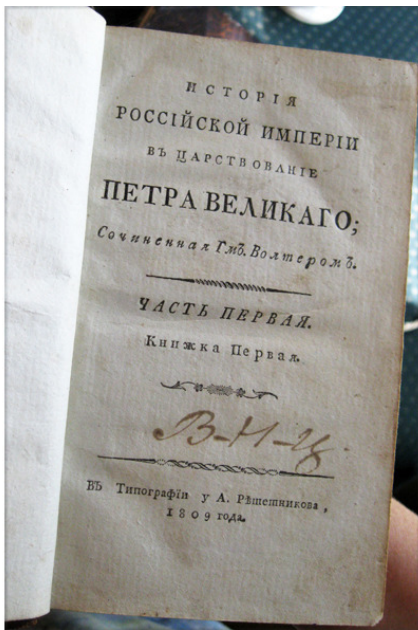
Увы, путешествие в глубины музейной бюрократии не дало результатов. В описи обнаружился лишь номер по каталогу и еще какие-то пометки сугубо служебного плана. Но раз пошла такая тема, директор музея решила не отступать. До-

став связку ключей, она решительным шагом направилась к шкафу с Наполеоном, дабы решить вопрос самым радикальным способом: просто извлечь книгу, раскрыть ее и прочесть все, что там значится на титульном листе.

А там обнаружилось следующее:

Исторія
Россійской имперіи
въ царствованіе
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
Сочиненная Гмъ. Вольтеромъ.

напечатана
въ Типографіи у А. Решетникова,
1809 года

Книга из библиотеки Пушкина в Болдино

– О как, – отметил дядя Миша. – Оказывается, господин Вольтер писал опусы по российской истории. А не только всяких там «Кандидов» и «Простодушных».

– И заметьте, – добавил Ваня, – книга издана еще до войны с Наполеоном⁵. Мы тогда с Францией дружили или как?

⁵ Наполеон стал императором Франции в 1804 году. В 1807 году между Россией и Францией был заключен Тильзитский мир. А к 1809 году Наполеону практически полностью покорилась вся Европа.

– Не, – помотал головой старший прапорщик. – Французы нас тогда били. Аустерлиц был в 1805-м.

– Во блин.

– А давайте перевернем страничку, – сладко произнесла Елена, просовывая между нашими головами руку с телефоном, оснащенным фотокамерой.

Директриса послушно перелистнула.

– А книга-то на русском, – спохватился Зайкин. – Вольтер вроде бы по-русски не писал...

Начальница перевернула еще страничку (Ленка успевала щелкать фотопринадлежностью), и тут нашим взорам явилась подпись переводчика, завершающая текст торжественно-верноподданнического предисловия. Оформлено это было так:

**«ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ВЕРНОПОДДАНЕЙШЕЙ
Семен Смирновъ»**

– Смирнов, – отметила сестрица, в очередной раз щелкая телефоном.

– Ну нет, – замотал головой Зайкин. – Наш-то был крестьянин. А этот вон, с французского переводит и предисловия императору посвящает.

– Мало ли. В 1919 году все сделались крестьянами и пролетариями. Помнишь, у Пелевина: был фон Эрнан, стал Фанерный.

– Вас что-нибудь еще интересует? – спросила директриса, до сих пор терпеливо державшая перед нами раскрытую книгу.

– А можно подержать? – сказал дядя Миша, протягивая к музейному сокровищу свои пролетарские грабки.

– Нет, – не раздумывая отказала музейный руководитель и отдернула книгу от незаконных посягательств. Но, видимо, движение оказалось чрезмерно резким, потому что в этот момент из раскрытых страниц вдруг выпал листок. И мягко спланировав (мы все, как замороженные, проводили его взглядом), плавно опустился на дубовые плашки старинного пола.

– Ой!

– А вот этого в описи нет, – заявил дядя Миша, в два счета сгребая листок в свои лапы.

– Отдайте! – пискнула директриса. – Это экспонат!

– Раз в описи нет, значит, не экспонат.

– Вы нарушаете закон!

В ответ мы в едином порыве извлекли удостоверения и продемонстрировали их музейной даме в развернутом виде.

После чего сопротивление было подавлено. И мы удалились, унося свой трофей.

Глава 8.

Загадки выпавшей странички

Заполучив вожаденный листок, мы стремительно покинули пушкинскую усадьбу. Нас влекли вперед две страсти. Первой, разумеется, было желание разгадать тайну, хранившуюся уже почти два столетия. Второй – острая тяга к приему пищи, ибо, как уже говорилось выше, мы выехали из дома более восьми часов назад и изрядно проголодались.

Итак, забежав по пути в продовольственный магазин и как следует проредив его продуктовые запасы, мы забрались в наш автомобильчик и объявили заседание «Клуба разгадывателей тайн» открытым.

– Ну, с чего начнем? – полюбопытствовал я, когда соратники утолили первый голод и перестали быть социально опасными.

– Почерк, – выдавил Зайкин, силясь проглотить последний кусок твердой копченой колбасы.

– Что почерк?

– Давайте сравним почерк в письме Смирнова и на этой записке.

Дядя Миша тут же извлек из своего деревенского баула кожаную папку литературоведа-спецназовца и бережно явил

миру письмо из прошлого. Мы все, на минуту перестав жевать, поизучали исписанные листы и дружно кивнули головами: почерк совпадал.

– Значит, – освободившись от колбасы, начал развиваться Зайкин, – можно предположить, что Василий Анисимович Смирнов, житель села Кистенево, и, возможно, дальний родственник Сергея Смирнова, переводившего труды Вольтера на русский язык, стал хранителем тайны рода Пушкиных.

В 1919 году, оказавшись в безвыходной ситуации, он решается доверить свои тайные знания бумаге. Разумеется, предварительно зашифровав текст.

Листок вкладывается в книгу «История Петра Великого». Обычный человек читать тягомотный труд Вольтера не станет, следовательно, рано или поздно манускрипт попадет в научную библиотеку или в музей. То есть в руки знатока.

Как мы видим, расчет Василия Анисимовича полностью оправдался.

– И теперь знатокам, то есть нам с вами, – завершил зайкинские витиеватости дядя Миша, – предстоит текст расшифровать. Чтобы расчет Василия Анисимовича полностью оправдался.

– Так, дайте сюда листок, – сказал я, проявляя начальственные функции. – Какие имеются предложения по существу дела?

Текст, начертанный рукой умершего в 1919 году гражда-

нина, обилием информации, мягко говоря, не страдал. В нем было всего несколько строк:

Только человек русской культуры может знать.

Только он достоин знать.

Чтобы узнать, догадайся:

1. Кулибин. Баржа, идущая против течения за счет силы самого течения.

2. Ломоносов. Обнаружить атмосферу на Венере.

3. Нартов. Полушка Петра I.

4. Сухарева башня.

– Проверка на вшивость, – оценил текст Зайкин.

– То есть ты, как человек русской культуры...

– А я вижу, – вмешался дядя Миша, – здесь только одно указание на место, где что-то может быть спрятано: Сухарева башня.

– Жаль только, что ее снесли в 1934 году. Хотя наш шифровальщик такой оборот событий заранее предвидеть никак не мог.

– И что? Наш поиск закончен?

– А по-моему, мы даже не начинали.

– Все, что у нас есть на данный момент, – подвел я итог дискуссии, – это семь строк Василия Смирнова. Раз он адресовал данный текст потомкам, которым не мог лично дать

дополнительных указаний, значит, считал, что информации здесь достаточно. И всякий культурный человек, тем более житель столицы XXI века...

– А вот не надо так смотреть на меня! – возмутился Зайкин. – Я, может, вижу здесь больше сведений, чем вы все вместе взятые. И поэтому...

– Что же ты видишь?

– Это парадоксы. Заведомо неразрешимые задачи. Двигаться против течения за счет силы самого течения... это... даже не знаю, с чем сравнить. Все равно, что преодолеть силу земного тяготения за счет силы самого тяготения. Самого себя за волосы из болота вытащить... Невозможно в принципе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.